

Д.Н. Меньшиков (Санкт-Петербург)

ДЕЙСТВИЯ РУССКОЙ ПЕХОТЫ В СРАЖЕНИИ НА ЖАВОРОНКОВОЙ ГОРЕ 9 ОКТЯБРЯ 1633 ГОДА

В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ историографии вооруженные силы Русского государства XVII в. традиционно рассматривались через призму петровских преобразований, согласно тезису о замене старого московского нестроения и варварства рациональным и регулярным порядком и просвещением, в связи с чем во главу угла ставился вопрос не о боеспособности вооруженных сил, а о степени их «регулярности». В наибольшей степени это отразилось в дискуссии о характере военных реформ XVII в., когда в ходе изучения созданных тогда полков «нового строя» предпринимались попытки определить, насколько они соответствуют некоему эталону регулярной армии, в качестве которого в значительной степени служили армии XVIII–XIX вв.¹

Основное внимание при этом обращалось на вопросы устройства, организации, вооружения и состояния войск «нового строя», в то время как проблемы их практического использования рассматривались мало. Во многом вне поля зрения исследователей оставался и вопрос о том, а что собственно представлял собой этот «новый строй», чему обучались, как должны были действовать и как действовали воинские формирования, создаваемые в России по европейским образцам.

Данные вопросы получили в историографии частичное освещение в основном лишь в последнее время. В частности это коснулось вопросов тактики и боевого применения русской конницы, как «сотенной службы», так и «нового строя»². Также были рассмотрены некоторые аспекты строевой подготовки и элементарной тактики пехоты «нового строя». Значительное внимание было уделено и

изучению ее участия в войнах второй половины XVII в.³ Применение войск «нового строя» в более ранний период затронуто существенно меньше⁴.

В данной статье предполагается затронуть поставленные вопросы в рамках рассмотрения действий пехоты «нового строя» в одном из решающих сражений Смоленской войны 1632–1634 гг. – бое на Жаворонковой горе 9 октября 1633 г. Это сражение представляет особенный интерес в связи с тем, что в нем мы находим один из редких примеров наступательных действий русской пехоты «нового строя».

Дело в том, что в тогдашней военной практике Русского государства, как и его основного противника, Речи Посполитой, пехота использовалась обычно для занятия и удержания укреплений или их штурма, а также в качестве средства огневой поддержки основной силы войска – конницы. Тем самым пехоте отводилась важная, но все же вспомогательная роль.

Впоследствии обе державы начали создавать полки пехоты, обученные и организованные по европейским образцам и состоявшие из пикинеров и мушкетеров. В результате удельный вес и роль пехоты в польских и особенно в русских войсках выросли. Тем не менее, в полевых сражениях пехота по-прежнему продолжала использоваться в основном оборонительно, опираясь на свою огневую мощь. Пикинеры в ее составе использовались лишь как средство прикрытия стрелков от конницы, а позже эту функцию стали исполнять мушкетеры, вооруженные полупиками и бердышами, или же рогатками⁵.

Во многом такая ситуация была связана с тем, что в полевых сражениях противником пехоты выступала обычно конница, оставшаяся основной ударной силой, особенно в польской армии. Для борьбы с ней приходилось либо занимать оборонительную позицию, либо полагаться на свою конницу, что в условиях скоротечного конного боя легко могло обернуться поражением, особенно с учетом того, что восточноевропейская конница обладала куда большей маневренностью, чем западная, на борьбу с которой и была изначально рассчитана «тактика пики и мушкета».

Своеобразным исключением из этого правила оказались боевые действия Смоленской войны 1632–1634 гг., где в решающем столкновении встретились почти одинаковые по своей структуре армии, наполовину состоявшие из пехоты, организованной и обученной по западноевропейским образцам.

Семена этой войны, ставшей первым крупным военным предприятием Московского государства после окончания Смутного времени, были посеяны еще в декабре 1618 г. при заключении Деулинского перемирия. Московское государство не соглашалось с потерей Смоленска и других земель, в то время как польский король Сигизмунд III в свою очередь не собирался отказываться от поддержки претензий своего сына Владислава на московский престол и не признавал Михаила Федоровича законным царем, что подрывало авторитет еще не утвердившейся династии Романовых.

В итоге обе стороны рассматривали перемирие как сугубо временную меру и ждали лишь выгодного момента. В 1632 г., когда после смерти Сигизмунда III в Польше настал период бескоролья, в Москве решили, что пора, и двинули на Смоленск армию М.Б. Шеина. Началу войны предшествовал долгий период подготовки к ней, особенно активизировавшейся с 1630 г., когда в России начинается формирование первых полков «нового строя». Эти полки составили примерно половину армии М.Б. Шеина.

Начало войны оказалось удачным, однако осада Смоленска, бывшего главной целью войны, затянулась, а обе попытки взять город штурмом провалились. В итоге поляки получили возможность для ответных действий – в августе 1633 г. к городу на выручку подошла армия выбранного королем Владислава IV.

В ходе боя 28 августа ему удалось провести в город подкрепления, а 11-12 сентября после ожесточенного боя королевские войска заставили русских очистить Покровскую гору, что означало прорыв кольца осады. Заняв после этого центральное положение с опорой на Смоленск, Владислав попытался разгромить армию М.Б. Шеина по частям. 18 сентября он атаковал стоявший к западу от города отряд С.В. Прозоровского, но безуспешно.

Итогом сентябрьских боев стало очищение русскими войсками своих осадных укреплений и снятие осады со Смоленска. Тем самым обе стороны достигли своих ближайших целей – Владислав IV выполнил свою первую задачу: деблокировал город, а М.Б. Шеин сосредоточил все свои войска в едином кулаке в главном лагере. На некоторое время воцарилось затишье – обе стороны отдыхали и приводили себя в порядок.

В основном это касалось русского войска, которое после нескольких дней боев и отступления пришло в некоторое расстройство.

Его численность уменьшилась примерно с 20⁶ до 17 тысяч, в основном за счет дезертиров. Помимо подсчета потерь и приведения частей в порядок требовалось также разместить на новом месте отряды, выведенные из остальных лагерей, организовать для них снабжение, так как им пришлось бросить или уничтожить свои запасы. Для защиты войск посошные люди под руководством голландского инженера Яна Корнильева возводили укрепления⁷. Все это требовало времени и усилий.

Также не блестящим было и моральное состояние войска. На это влияло не только недавнее поражение и нехватка провианта. Не хватало и денег, так как жалование за октябрь застряло в Дорогобуже. Из-за этого, а также за счет того, что польский король выдавал по 15–30 злотых каждому перебежчику⁸, начались побеги иноземных солдат и офицеров, которые хотя и не особо ослабляли русское войско, но зато поставляли полякам ценные разведывательные данные.

В целом армия М.Б. Шеина занимала пассивную позицию.

В это время поляки, будучи победителями, находились в лучшем состоянии, хотя их общие потери за сентябрьские бои, возможно, доходили до 4 тысяч человек⁹. Перед ними теперь стояла следующая задача: разгромить армию М.Б. Шеина до подхода подкреплений – 26 сентября запорожские казаки перехватили гонца к М.Б. Шеину с известием, что на помощь ему идет двенадцатитысячная армия¹⁰. Кроме того, от пленных полякам стало известно, что русское войско терпит нужду в провианте и фураже¹¹. В этих условиях было решено прервать линию коммуникаций армии М.Б. Шеина.

Уже на следующий день, 27 сентября, из лагеря был выслан отряд каменецкого кастеляна Александра Пясечинского силой в 6000 человек¹², в основном запорожских казаков¹³. Он должен был провести рейд по тылам смоленской армии и лишить ее снабжения и связи с Москвой. Главной его целью был Дорогобуж, база снабжения смоленской армии. Пясечинский с задачей справился хорошо, что было обусловлено численным превосходством его отряда над мелкими русскими гарнизонами. Итогом его усилий стало прекращение снабжения русской армии и все возрастающие сложности в сообщениях М.Б. Шеина с Москвой.

Известие об этих успехах 4 октября привез в королевский лагерь товарищ Ковальский¹⁴. В тот же день, с учетом полученных

сведений, на военном совете было решено окружить армию Шеина. Для этого в Смоленске оставили смоленского воеводу Александра Госевского с двумя тысячами, а остальное войско решили перевести восточнее, к Богдановой околице, чтобы перерезать проходившую там дорогу к Дорогобужу и тем самым окончательно отрезать М.Б. Шеина от линии коммуникаций.

Уже в тот же день, 4 октября, туда вышли несколько хоругвей вместе с гетманами Мартином Казановским и Кшиштофом Радзивиллом, которые провели рекогносцировку местности и выбрали позицию. Ключом к ней была Жаворонковая гора, господствовавшая над лагерем Шеина и, в свою очередь, прикрывавшая от него место, выбранное для нового лагеря. 6 октября поляки снялись со своего прежнего лагеря у Покровской горы и выступили к Жаворонковой горе, встав на следующий день на речке Стабне, между Девичьей и Жаворонковой горой. Это место находилось от предместного укрепления лагеря М.Б. Шеина всего в одном перестреле (около 200–300 м), однако никакой реакции со стороны русских не последовало ¹⁵.

Во вторник, 8 октября, польские войска развернулись в полном боевом порядке уже на Жаворонковой горе, ожидая подхода обозов, отставших из-за тяжелой дороги, и оставались там до следующего утра в полной боевой готовности на случай атаки неприятеля. За это время польские обозы прошли к новому месту для лагеря на Богдановой околице. После расположения там лагеря Владислав IV приказал отвести армию к обозу, чтоб солдаты могли поесть и отдохнуть ¹⁶. При этом столь важная с их точки зрения позиция, да еще и в непосредственной близости от противника, оказалась занята довольно незначительными силами.

Всего на Жаворонковой горе король оставил пехотные полки Абрамовича, Януша и Зигмунта Радзивиллов ¹⁷ вместе с драгунами Дюплесси и Крейца ¹⁸. В них насчитывалось примерно три с небольшим тысячи человек ¹⁹. При этом значительная часть этих солдат отнюдь не стояла в боевой готовности – многие из них разбрелись по окрестностям в поисках продовольствия и хвороста для костров и габионов ²⁰, другие занимались земляными работами. Однако около полудня к королю прибыл гонец с сообщением о том, что русские перешли в атаку. Началось сражение, которое во многом решило исход кампании.

Подготовка к атаке началась еще утром 9 октября, когда русская артиллерия начала обстреливать позиции противника на Жаворонковой горе. Под прикрытием ее огня началась переправа через Днепр, и к двум часам дня московская армия уже полностью развернула боевой порядок в приречной низине. Его можно реконструировать, опираясь на гравюру В. Гондиуса, детально иллюстрирующую ход боевых действий под Смоленском. На правом крыле наступала пехота, чьей задачей было занять ближнюю к предместному укреплению вершину Жаворонковой горы. Слева ее прикрывала конница, действовавшая на открытом пространстве между Жаворонковой и Девичьей горой у реки Колодни. Боевой порядок пехоты был развернут в две линии. Первую составляли три эскадрона²¹ пехоты, а во второй шло еще два. Конница также построилась двумя линиями. Один пехотный эскадрон прикрывал проход между Днепром и Жаворонковой горой, где вдоль берега также были расположены стрелки. Еще один эскадрон изображен занимающим предместное укрепление.

Каждый эскадрон пехоты изображен выстроенным в классический боевой порядок с пикинерами в центре и крыльями мушкетеров по флангам. Исключением являются 3 эскадрона, атакующие в первой линии, которые показаны развернутыми клином, образуя своеобразный треугольник. Данное построение известно как «шведская» бригада из 3 эскадронов и применялось шведами в 1627–1628 и 1631–1634 гг.²² Численность бригады насчитывала обычно около 1200–1800 человек. Такой боевой порядок был изобретен Густавом II Адольфом в ходе войны с поляками и был предназначен в первую очередь для борьбы с конницей. В то же время считается, что он был довольно сложным и требовал хорошо обученных солдат, потеря которых в итоге привела к тому, что шведы отказались от такого построения и приняли более классический вариант. Данное изображение трудно считать художественным вымыслом, так как по сообщению польского очевидца в бою 11 сентября русская пехота также была построена треугольником²³.

Общую численность войск, брошенных М.Б. Шеиным в бой, оценить довольно трудно. Среди них были солдатские полки Лесли, Унзена, Росформа, Кита и Маттисона²⁴, яицкие²⁵ и донские казаки²⁶. Также в дело были введены полки М.Б. Шеина и С.В. Прозоровского²⁷, общая численность которых на конец сентября составляла менее 6000 человек²⁸. В то же время известно, что в бою участвовали

не все русские войска, в частности рейтарский полк Д'Эберта в бой не вступал²⁹. Также под вопросом участие в сражении солдатского полка фон Дама, который 9 октября потерь не имел. Возможно, он занимал предместное укрепление.

Силы, которые М.Б. Шеин мог ввести в дело, по максимуму оцениваются примерно в 5–6 тысяч пехоты и почти столько же конницы. Для их поддержки за Днепром напротив Жаворонковой горы были развернуты 15 полковых орудий и несколько пушек русского литья³⁰. Также артиллерия стояла и в предместном укреплении.

План боя, по-видимому, заключался в том, чтобы пользуясь внезапностью и численным превосходством, сбить противника с горы, не позволив ему закрепиться на столь выгодной позиции. Левый фланг должен был прикрыть ударную группу со стороны открытого пространства, а справа безопасность фланга обеспечивалась огнем пушек и пехоты, простреливавших узкий коридор между Жаворонковой горой и Днепром.

Кто из русского командования выступил инициатором перехода к активным действиям, неясно. В польских дневниках упоминается о том, что на такие действия русских подтолкнули иноземные офицеры³¹, старшим из которых был Александр Лесли. В то же время выехавшие из русского лагеря служилые люди при расспросе сообщали о том, что общее командование осуществлял сам М.Б. Шеин³².

Поначалу поляков действительно застали врасплох – они настолько привыкли к пассивности русской армии и не ожидали от М.Б. Шеина активных действий, что сразу и не поверили в то, что русские наступают³³. Поэтому они не успели толком собраться и начали отступать врасыпную³⁴, пытаясь, правда, отстреливаться. Вслед за ними наступала русская пехота, ведя слаженный, быстрый и плотный огонь. Наступление, видимо, осуществлялось по нидерландскому методу контрмаршем шеренгами, когда после залпа первой шеренги перед ней выходила и производила залп вторая, потом третья и так далее. Тем самым обеспечивалась непрерывность ведения огня вкупе с медленным и постепенным продвижением вперед. Это продвижение дополнительно тормозилось за счет довольно крутого склона, поросшего кустами. В итоге, когда наступающие эскадроны вышли к вершине горы, то их строй уже пришел в некоторый беспорядок.

Это имело существенное значение, так как там наступающие встретились с укрытыми в кустах свежими силами польской пехоты. Получив от них в качестве приветствия мощный залп, русская пехота остановилась и завязала огневой бой. Некоторое время он шел на равных, однако, находясь ниже по склону и будучи в некотором беспорядке, русские солдаты оказались в невыгодном положении и после того как к полякам подошло подкрепление – полк Бутлера – начали отходить.

На левом фланге у поляков действовал полк Вейера, который обошел Жаворонковую гору с юга и вел огневой бой с русскими стрелками между самой горой и Днепром. На правом фланге вперед выдвинулись королевские рейтары Зей-Мантейффеля, а также панцерные казацкие хоругви Мосарского, Сераковского, Чарнецкого, Ловчинского и других, которые схватились с московской конницей³⁵.

Несмотря на то что атака на Жаворонковую гору оказалась отбитой, отход пехоты производился в достаточном порядке. Поэтому, несмотря на организованное преследование, поляки ничего не могли с ней поделать. В довершение ко всему у них стал заканчиваться порох, и они больше не могли выдерживать плотный ружейный огонь³⁶. В результате отступать начала уже польская пехота, а русская снова двинулась вверх³⁷.

Чтоб помочь своей пехоте, вперед были брошены панцерные казацкие хоругви Александра Пясечинского и Мадалинского, гусары Яна Стецкевича, пятигорская хоругвь минского кастеляна Лацкого и другие конные подразделения, которые пошли в лобовую атаку, отвлекая на себя огонь. Хотя сами поляки и утверждали, что причинили противнику большой урон, тем не менее, русская пехота сохранила боевой порядок, а поляки сами понесли тяжелые потери, особенно в конях от ружейной стрельбы. Главным результатом их атаки стало то, что поляки дали передышку своей пехоте, снабдили ее порохом и окончательно оттеснили русские полки к реке.

Исход кавалерийского боя в долине между Девичьей и Жаворонковой горой был также решен превосходством польской конницы – подошедшие четыре литовские гусарские хоругви последовательными атаками отбросили русскую конницу к мосту, где сами в свою очередь были встречены несколькими ружейными залпами. Тем не менее, это не было сокрушительным разгромом – сильная пехотная перестрелка продолжалась до темноты, когда долгий

четырёхчасовой бой³⁸ стих, и русская пехота отошла обратно за Днепр без каких-либо помех. Поляки же остались на прежнем месте хозяевами поля боя, а ночью насыпали на Жаворонковой горе окопы, окончательно закрепив ее за собой. Таким образом, сражение формально и фактически закончилось их победой.

Впрочем, потери сторон свидетельствовали, что это была отнюдь не сокрушительная победа. Во-первых, следует отметить довольно большое число убитых и раненых военачальников – по сообщениям поляков, у русских был убит полковник Кит, майор полка Лесли и несколько капитанов попали в плен³⁹. У поляков были убиты майоры полков Вейера Абрамовича и Я. Радзивилла. Под Пясечинским было убито два коня, полковник Мадалинский был ранен. Общие потери сторон были также довольно существенны. Данные о них несколько разнятся. Наиболее высокая цифра приводится в одном из писем в «Дневнике» Москоржевского, где сообщается, что русских легло 7 тысяч, не считая тех, кто потонул в Днепре во время бегства⁴⁰. Сам Москоржевский⁴¹ и опирающийся на его сведения Альбрехт Радзивилл⁴² пишут о 2000 человек. Остальные источники дают разброс от 600⁴³ до 300⁴⁴ человек только убитыми, количество пленных не указывается, за исключением офицеров, так что оно, видимо, было несущественным.

Более точно потери русской пехоты можно оценить исходя из числа раненых, которым после боя были выданы деньги на лечение. Наибольшая доля потерь пришлась на полк А. Лесли, где был 61 раненый из общего числа в 186 человек. Такой уровень потерь свидетельствует о том, что полк, по-видимому, возглавлял атаку на гору. Потери полков Росформа, Кита и Маттисона примерно одинаковые и колеблются от 33 до 39 человек. Меньше всего раненых оказалось в полку Унзена – всего 16 человек, видимо он находился во второй линии⁴⁵. Вместе с тем часть раненых была оставлена на поле боя во время двух неудачных атак Жаворонковой горы и, в итоге, досталась полякам. Урон в коннице неизвестен. Однако вскоре после боя из русского лагеря было отпущено около 300 человек раненых⁴⁶, а приехавшие из-под Смоленска дворяне утверждали, что потери в коннице невелики⁴⁷.

В отношении польских потерь точных цифр источники практически не приводят, говоря о многих⁴⁸ или нескольких десятках убитых, больших потерях в пехоте⁴⁹, многочисленных раненых, и особо отмечают большие потери в лошадях, хотя в остальном

потери в коннице были относительно невелики⁵⁰. По оценке польских историков, потери русских и польских сил соотносятся как 1 к 3 в пользу поляков⁵¹. Однако столь большая разница потерь возможна лишь в случае решительной победы, но ведь ее-то как раз и не было. По всей видимости, общие потери убитыми и ранеными у поляков были лишь меньше, чем у русских, но ненамного.

Всего в ходе сражения русская пехота провела одну неудачную атаку на Жаворонковую гору, отбитую за счет контратаки свежих сил. Ее вторая атака была отражена лишь за счет вмешательства польской конницы. В дальнейшем действия русской пехоты свелись к ведению затяжного огневого боя, масштаб которого потряс старых солдат, не видевших такого даже в предшествующей войне со шведами⁵².

Следует отметить, что огневой бой пехоты без какого-либо перехода к рукопашной может быть весьма и весьма долгим, однако общие потери от перестрелки могут быть незначительны. Такое, казалось бы, несоответствие объясняется тем, что наиболее эффективной была стрельба с близкой дистанции, практически в упор, но при этом бой приобретал решительность и не затягивался надолго, так как одна из сторон, понеся значительные одномоментные потери, обращалась в бегство. Поэтому длительные перестрелки велись на большей дистанции и причиняли довольно небольшие потери. Дополнительным фактором, обуславливающим такое положение дел, было то, что при длительной стрельбе происходило засорение ствола пороховой копотью, из-за нагара на ружейной полке увеличивалось количество осечек, солдаты уставали, и таким образом общая эффективность стрельбы со временем снижалась.

Таким образом, результатом длительного огневого боя оказывались примерно равные потери его участников. При этом, как правило, обе стороны долгое время сохраняют порядок и боеспособность. Потеря боеспособности и разгром в данной ситуации могут произойти, лишь когда одна из сторон оказывается слишком истощенной либо если против нее оказываются еще какие-либо факторы, как например, стрельба снизу вверх или потеря строя, что сыграло роль в неудаче первой атаки русской пехоты, или же происходит вмешательство третьей силы, например в виде кавалерийской атаки, как это произошло во время второго наступления на гору. В то же время победитель также мог быть слишком истощен, чтобы развить успех.

Альтернативой длительному и затратному огневому бою была более рискованная решительная атака, когда противник опрокидывается стремительным натиском. В частности, такой агрессивный метод часто использовали шведы в ходе Тридцатилетней войны, когда они подходили практически вплотную к противнику и давали один-два слитных залпа почти в упор и, не давая врагу опомниться, врвались в его дезорганизованные ряды с пиками и шпагами наперевес. Такой образ действий был, впрочем, довольно рискованным, так как стойкий противник мог такими же залпами причинить атакующим тяжелые потери, как это, например, произошло в битве при Люцене с Желтой бригадой⁵³. Некоторой защитой от этого было прикрытие своих мушкетеров пикинерами, которые при атаке специально выдвигались вперед.

Однако в бою на Жаворонковой горе русская пехота и командовавшие ею иноземцы предпочли вести более медленное и безопасное огневое наступление, переросшее в итоге в огневой бой⁵⁴. В нем полки «нового строя» показали свою стойкость – ни один польский источник не упоминает о том, что русская пехота была разгромлена⁵⁵, зато упоминается⁵⁶, что она отходила в полном порядке, что с учетом отсутствия полноценного кавалерийского прикрытия говорит о ее огневой мощи⁵⁷. Вместе с тем сражение на Жаворонковой горе вкупе с боями на Покровской горе 11-12 сентября 1633 г.⁵⁸ показало, что даже хорошая пехота без поддержки конницы не может одержать победу.

Впрочем, исход сражения далеко не всегда определяется величиной потерь. В данном случае, потерпев неудачу, русское войско не решилось повторить атаку на следующий день, когда Владислав IV выстроил свое войско в боевой порядок и ждал атаки. Напротив, через день начались переговоры о похоронах убитых. Каждая сторона получила право собрать и похоронить своих погибших. Это была уже попытка затянуть кампанию, попытка заключить перемирие. Отдав инициативу Владиславу IV, М.Б. Шеин укрылся за мощными валами своего лагеря, ожидая помощи со стороны войск князя Д.М. Черкасского и князя Д.М. Пожарского, которые собирались в Вязьме и Можайске, о чем Михаил Борисович был извещен еще 28 сентября.

¹ Характеристика историографии по данной проблеме см.: Курбатов О.А. Из истории военных реформ в России во 2-й половине XVII в. Реорганизация конницы на материалах Новгородского разряда 1650-х – 1660-х гг.: Дисс. ... канд. ист. наук. М., 2003. С. 8–24.

² Курбатов О.А. Указ. соч. С. 63–70, 91–98, 110–115, 140–147, 159–170, 177, 182–183, 188–191, 194–196, 203–205, 210, 212–214; Его же. Очерки развития тактики русской конницы «сотенной службы» (сер. 16 – сер. 17 вв.). URL: <http://www.zimovaya.ru/statji/ocherki-razvitiya-taktiki-russkoy-konnitsy-sotennyu-sluzhby-ser.-16-ser.-17-vv.html> (дата обращения: 22.02.2012); Его же. Морально-психологические аспекты тактики русской конницы в середине XVII века // Военно-историческая антропология. Ежегодник 2003/2004. Новые научные направления. М., 2005. С. 193–213; Его же. Роль служилых «немцев» в реорганизации русской конницы в середине XVII века // Иноземцы в России в XV–XVII веках. / Под общ. ред. А.К. Левыкина. М., 2006. С. 18–34; Малов А.В. Конница нового строя в русской армии в 1630–1680-е годы // Отечественная история. 2006. № 1. С. 118–131.

³ Курбатов О.А. Организация и боевые качества пехоты «нового строя» накануне и в ходе русско-шведской войны 1656–1658 годов // Архив русской истории. М.: Древлехранилище, 2007. Вып. 8. С. 157–197; Его же. Сражение при деревне Доманы 12 февраля 1655 г.: к проблеме реконструкции военно-исторического события // Единорогъ: Материалы по военной истории Восточной Европы эпохи Средних веков и Раннего нового времени. Вып. 2. М., 2011. С. 62–79; Малов А.В. Московские выборные полки солдатского строя в начальный период своей истории 1656–1671 гг. М., 2006. С. 334, 336, 427–566; Его же. «Перевод с галансково письма, что подал боярину Илье Даниловичу Милославскому рейтарсково строю полковник Исаак фан Буковен...» // Российский архив. М., 1996. Вып. 6. С. 7–9.

⁴ Бибииков Г.Н. Опыт военной реформы 1609–1610 гг. // Исторические записки. М., 1946. Т. 19. С. 3–16; Курбатов О.А. Наемный корпус Деллагарди на службе царя Василия Шуйского. Опыт введения нидерландской военной системы в России в начале XVII в. // Цейхгауз. 2002. № 3. С. 4–6.

⁵ Малов А.В. Московские выборные полки солдатского строя... С. 42.

⁶ Меньшиков Д.Н. Боевая сила армии М.Б. Шеина в Смоленском походе 1632–1634 гг. // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 2. История. Вып. 4. Ч. 1. СПб., 2008. С. 10–16.

⁷ РГАДА. Ф. 210. Книги Денежного стола. № 88. Л. 443, 446, 448, 452, 455, 457.

⁸ K. Przyczynki do historii wojny moskiewskiej z lat 1633–1634 // Biblioteka Ossolinskich. Krakow, 1868. Т. 11. S. 27.

⁹ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Приказного стола. № 75. Л. 114.

¹⁰ Diariusz kampanii smoleńskiej Władysława IV 1633–1634 / oprac. M. Nagielski. Warszawa, 2006. S. 129.

¹¹ Целевич О. А. Участь козаків в Смоленській війні 1633–1634 рр. // Записки наукового товариства імені Шевченка. Львів. Т. 28. Кн. 2. С. 53–54.

¹² [Moskorzewski J.] Diariusz wojny moskiewskiej z lat 1633–1634 // Biblioteka Ordynacji Krasinskich. Warszawa, 1895. Т. 13. XVIII. S. 49–50.

¹³ Целевич О. А. Участь козаків в Смоленській війні 1633–1634 рр... С. 20–21.

¹⁴ Diariusz kampanii smoleńskiej Władysława IV 1633–1634... S. 136.

¹⁵ Ibid. S. 140.

- ¹⁶ Другой причиной отвода войск было то, что выбранное для лагеря место оказалось слишком близко к противнику. (A.S. Radziwill Pamietniki Albrychta Stanislawa x. Radziwilla, kanclerza w. Litewskiego. Poznan, 1839. S. 178.)
- ¹⁷ Pamietniki o Koniecpolskich. Lwow, 1842. S. 438.
- ¹⁸ [Moskorzewski J.] Diariusz wojny moskiewskiej... S. 52.
- ¹⁹ Kupisz D. Smolensk 1632–1634. Warszawa, 2001. S. 244.
- ²⁰ Плетеные корзины без дна, куда засыпалась земля. Применялись для возведения укреплений.
- ²¹ Термин, обозначавший в 1-й пол. XVII в. отдельную тактическую единицу пехоты или кавалерии. Эскадрон пехоты насчитывал обычно 400–800 человек.
- ²² Brzechinski R. The army of Gustavus Adolfus. Infantry. London, 1991. P. 16.
- ²³ Целевич О. А. Участь козаків в Смоленській війні 1633–1634 рр... С. 44; Кроме этого в пользу того, что по меньшей мере часть русской пехоты действовала по шведскому образцу, говорит то, что старший полковник Александр Лесли был ранее на шведской службе и, очевидно, обучал своих солдат так, как привык.
- ²⁴ Ibid. S. 439; Гондиус В. План осады и обороны г. Смоленска 1632–1634 гг.: Офорт на 16 листах. 1636 // Собрание фонда художественной графики Смоленского государственного музея-заповедника. Учетный № СОМ9602. Л. 3, 5; См. также: Целевич О.А. Участь козаків в Смоленській війні 1633–1634 рр... С. 62.
- ²⁵ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Новгородского стола. № 33. Л. 92, 166.
- ²⁶ Там же. Л. 132.
- ²⁷ Целевич О. А. Участь козаків в Смоленській війні 1633–1634 рр... С. 63.
- ²⁸ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Московского стола. № 105. Л. 32–41, 46.
- ²⁹ Там же. Столбцы Приказного стола. № 75. Л. 118.
- ³⁰ Там же. Столбцы Новгородского стола. № 33. Л. 100–102.
- ³¹ Pamietniki o Koniecpolskich. S. 439.
- ³² РГАДА. Ф. 210. Столбцы Приказного стола. № 75. Л. 117, 121.
- ³³ Diariusz kampanii smoleńskiej Władysława IV 1633–1634... S. 143.
- ³⁴ Москоржевский, впрочем, сообщает, что выдвижение этих застрельщиков было сделано намеренно по инициативе К. Радзивилла. См.: [Moskorzewski J.] Diariusz wojny moskiewskiej... S. 53.
- ³⁵ Целевич О. А. Участь козаків в Смоленській війні 1633–1634 рр... С. 62.
- ³⁶ Вообще все польские дневники отмечают этот «плотный частый огонь» как наиболее характерную черту этого сражения, что еще раз подтверждает, что это был преимущественно огневой бой.
- ³⁷ [Moskorzewski J.] Diariusz wojny moskiewskiej... S. 55.
- ³⁸ Бой начался после полудня в обед, т. е. примерно в 13–14 часов, а закончился в «первом часу ночи», т. е. через час после захода солнца. В октябре солнце в районе Смоленска заходит около 17.40, а полная темнота наступает около 18.30. См. также: [Moskorzewski J.] Diariusz wojny moskiewskiej... S. 56.
- ³⁹ Diariusz kampanii smoleńskiej Władysława IV 1633–1634... S. 144.
- ⁴⁰ [Moskorzewski J.] Diariusz wojny moskiewskiej... S. 46; впрочем, данное сообщение снабжено пометкой «вранье».
- ⁴¹ Ibid. S. 55.
- ⁴² Radziwill A.S. Pamietniki... S. 179.
- ⁴³ Diariusz kampanii smoleńskiej Władysława IV 1633–1634... S. 144.
- ⁴⁴ Liske K. Przyczynki do historii wojny moskiewskiej... S. 31.

⁴⁵ РГАДА. Ф. 210. Книги Денежного стола. № 88. Л. 418–442.

⁴⁶ Там же. Столбцы Приказного стола. № 75. Л. 106.

⁴⁷ Там же. Л. 118, 121.

⁴⁸ Liske K. Przyczynki do historii wojny moskiewskiej... S. 32.

⁴⁹ Pamietniki o Koniecpolskich. S. 439.

⁵⁰ Liske K. Przyczynki do historii wojny moskiewskiej... S. 31; [Moskorzewski J.] Diariusz wojny moskiewskiej... S. 55.

⁵¹ Kupisz D. Smolensk 1632–1634. Warszawa, 2001. S. 184; Lipinski W. Woj o Zaworonkowe Wzgorza i osaczenie Szeina pod Smolenskiem // Przegląd Historyczno-Wojskowy. 1934. T. 7. S. 69.

⁵² [Moskorzewski J.] Diariusz wojny moskiewskiej... S. 58.

⁵³ Brzezinski R. Lutzen. The climax of Thirty year war. Oxford, 2001. P. 67.

⁵⁴ За это Шеина подверг критике В. Липинский, указывавший, что при более решительном натиске можно было успеть занять все важные пункты до того, как поляки организовали бы надлежащий отпор. См.: Lipinski W. Woj o Zaworonkowe Wzgorza i osaczenie Szeina pod Smolenskiem... S. 67–68.

⁵⁵ Хотя в них и указывается, что русская пехота была отброшена с Жаворонковой горы вплоть до Днепра, упоминания о неизменных спутниках разгрома, таких как пленные и трофеи, отсутствуют.

⁵⁶ [Moskorzewski J.] Diariusz wojny moskiewskiej... S. 54–55.

⁵⁷ Справедливости ради следует указать на роль артиллерийской поддержки и то, что местность у берега Днепра была довольно пересеченной, что мешало действиям польской конницы.

⁵⁸ 12 сентября была предпринята попытка усилить гарнизон Покровской горы, однако подкрепление было перехвачено польской конницей и разгромлено, причем русская конница бросила свою пехоту. См.: Целевич О.А. Участь козаків в Смоленській війні 1633–1634 рр... С. 46; РГАДА. Ф. 210. Столбцы Приказного стола. № 75. Л. 65–66.